

Серия «Кровавые легенды»

Максим Кабир, Александр Матюхин,
Дмитрий Костюкевич, Владимир Чубуков

КРОВАВЫЕ ЛЕГЕНДЫ РУСЬ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445
КТК 654
К83

Художественное оформление Константина Лоскутова

К83 Кровавые легенды. Русь : повести / Максим Кабир, Александр Матюхин, Дмитрий Костюкевич, Владимир Чубуков. — Ростов н/Д : Феникс, 2025. — 476, [1] с. : ил. — (Кровавые легенды).

ISBN 978-5-222-42902-0

Наши предки, славяне, верили в страшных существ, которых боялись до смерти. Лешие, кикиморы, домовые — эти образы знакомы всем с детства и считаются достойными разве что сказок и детских страшилок. Но когда-то все было иначе. Правда сокрыта во тьме веков, ушла вместе с языческими богами, сгорела в огне крещения, остались лишь предания да генетическая память, рождающая в нас страх перед темной и тварями, что в ней скрываются.

Зеркала избрал дьявол, так считали наши предки. Что можно увидеть, четырежды всмотревшись в их мутные глубины: будущее, прошлое или иную реальность, пронизанную болью и ужасом?

Раз... И бесконечно чуждые всему человеческому создания собираются на свой дьявольский шабаш.

Два... И древнее непостижимое зло просыпается в океанской пучине.

Три... И в наш мир приходит жуткая тварь, порождение ночного кошмара, похищающее еще нерожденных детей прямо из утробы матери.

Четыре... И легионы тьмы начинают кровавую жатву во славу своего чудовищного Хозяина.

Четверо признанных мастеров отечественного хоррора объединились для создания этой антологии, которая заставит вас вспомнить, что есть легенды куда более страшные, чем истории о Кровавой Мэри, Бугимене или Слендере. В основу книги легли славянские легенды об упырях, русалках, вештицах и былина «Садко».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-222-42902-0

© Оформление: ООО «Феникс», 2024
© Текст: Кабир М., Матюхин А., Костюкевич Д., Чубуков В., 2024
© Иллюстрации: Лоскутов К., 2024
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Свет мой, зеркальце

«Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила».

А. С. Пушкин

«Вольво» так долго волочилося по частному сектору, что масло норовило закипеть. Температура двигателя неуклонно поднималась, и Климов был вынужден отдыхать под ветлами и тополями. Автомобиль стоял с открытым капотом, как запыхавшийся бегун, а водитель тщетно пытался заручиться советом «Гугла». В этой глуши не ловила и сотовая связь, «абонент вне зоны доступа» — талдычило из динамика.

— Давай, детка, — упрасивал Климов машину. «Вольво» вклинивалось в неотличимые проходы, упиралось в тупики. Под шинами шелестел гравий, ивы оглаживали косами припыленную крышу. Надсадно лаяли цепные шавки. Им приветливо кивал бестолковый пластиковый бульдог на бардачке, кобель, судя по утрированным половым признакам. Бульдога подарил Климову Платон Иванович. Поблагодарил за раздобытую в Питере трость с рукоятью из чистого серебра, отлитую в форме собачьей головы. То ли шеф намекал на внешнюю схожесть Климова с бульдогами, то ли завуалированно нарекал его псом. Верной дрессированной псиной, которая и лапу подаст, и голос, и в Тмутаракань рванет по команде. Платон Иванович не доверял почте.

Климову было плевать. На правду не обижаются, на зеркало не пеняют. Главное, что в пасти дурацкого бульдога тогда торчали свернутые трубочкой стодолларовые купюры.

За окнами мелькали бесхозные, поросшие сорняком участки, кучи битого кирпича. Климов выкручивал шею, но цифры на фасадах,

если они и были, замаскировали кроны яблонь и орехов. Где тут улица Пушкина? Старуха, копающаяся в огороде, лишь пожала плечами, мол, сам ищи.

— Да чтоб тебя, кошелка...

«Вольво» проползло к следующему дому. За штacketником играли в домино трое парней. «Козла» разбавляли горькой: на табурете примостилась початая бутылка водки.

— Эй, братва! — крикнул Климов. — Пушкина, четырнадцать нужна.

— Эт она и есть. — Тощий брюнет, татарин, выловил из банки шпротину и забросил в рот. У его ног терся полосатый кот. Парни прервали трапезу, недружелюбно изучая чужака. Климов выбрался из салона, пикнул брелоком. Брюнет отклеил задницу от табуретки. Климов носил синие брюки и рубашку в тон; брюнет — спортивные штаны, аляповатую сорочку и серые носки. Сланцы шаркали по плитке. Событьельники поплеывали под стол.

Брюнет приблизился вальяжно. Хлюпнул носом.

— Здорова.

— Вы, я полагаю, Амир?

— Вроде так. Идем.

Они вышли за калитку, провожаемые ехидными репликами сотрапезников.

— Бабки у вас? — осведомился Амир.

— Как договаривались.

— А не страшно?

Амир был легче Климова килограмм на пятнадцать и ниже на полголовы. Он пил с утра, а Климов в свободное от заданий время месил боксерскую грушу. Карман брюк оттягивал свинцовый кастет.

— Чего мне бояться? — ухмыльнулся Климов.

— Та не меня. Того, за чем вы приперлись.

«Вот оно что! — осенило Климова. — Легенда о Вурдалаке!»

Они шли по грунтовке в тени яблонь. Амир спросил:

— Про проклятие слышали?

— Краем уха.

Вранье. Кем бы ни считал Платон Иванович подчиненного, Климов не был глупцом. Он рылся в Интернете, наводил справки о той штуковине, которую должен был достать. Редкая книга, или бесценный сервиз... или Вурдалак. Хорошую вещь не прозовут Вурдалаком. Но дорогую — запросто.

— Оно людей убивает. — Амир говорил буднично, как про ковид.

— Много убило?

Амир шумно высморкался.

— Много. Штукарь или двушку.

Климов присвистнул.

— Оно в музее висело. Пока внук директора не помер. — Амир позвенел связкой ключей и отщелкнул замок на крашенных серебряной воротах. — А генерала зять, который в поместье жил, жену и детей замучил.

— Бывает, — смиренно улыбнулся Климов. Он и сам бы замучил свою жену, но подоспел развод.

Двор за воротами был запущен, хибара разваливалась. Амир побрел к кирпичному гаражу. Спортивки отвисли на его ягодицах, сорочку пометил меловый отпечаток ладони.

— Я его в дом не принес, — пояснил Амир. — Оно рассказывает всякое.

Суеверие деревенщины насмешило матерого Климова.

— Сам слышал?

— От людей.

Из гаража пахнуло плесенью. Вспыхнула лампочка. Озарил груды хлама, макулатуру, соленья, велосипедные восьмерки, надутую лодку. Климов помялся у входа. Амир запустил клешни в ящик и вынул что-то плоское, обмотанное тряпьем.

— Я в старые зеркала не смотрю. — Он вручил предмет покупателю и пропал в захлавленных дебрях гаража. Загрохотали банки. Амир выругался.

Климов почувствовал тепло в районе живота. Радость обладания — будто это он был коллекционером, будто для себя охотился за антиквариатом, а не для нанимателя.

Ветошь спланировала на пол. Закатное солнце полыхнуло в овале, который Климов держал обеими руками. Свет ослепил. Климов повернулся, и белизна покинула ношу. Он увидел бульдожью морду, выпученные глазки, залысину: собственный портрет. Пальцы трогали дубовую раму, вырезанные виноградные листья. Мастер «зачесал» их по часовой стрелке, но четыре листика выбивались из плавного орнаментального течения. Два снизу и два сверху, они отпочковывались от рамы, наползая на амальгаму. При должной фантазии их можно было принять за клыки. В действительности они служили фиксаторами.

Климов наклонил зеркало.

«Превосходно! — Он подсознательно копировал манеру босса. Именно так Платон Иванович станет знакомиться с пополнением коллекции, гладить раму, теревить металлическую проушину для гвоздя. — Тончайшая работа!»

Не рама, а биография прославила зеркало Вечеры в узких кругах.

— Ну как?

Климов зажал добычу под мышкой, вытащил кошелек.

— Спасибо за сотрудничество.

Амир пересчитал деньги и довольно кивнул.

— Приятно иметь с вами дело.

— Аналогично.

** * **

Климов выехал из Москвы на рассвете и весь день проторчал за рулем. Мышцы сводила судорога, спина нуждалась в горизонтальном положении. Заключив сделку, он взял курс на запад и через час с небольшим въехал в город, основанный десять веков назад. Нужная улица тоже носила имя Александра Сергеевича: по-татарски — Пушкин урамы. Каменный поэт скрестил на груди руки и наблюдал за зелененькими троллейбусами и красненькими автобусами. Климов отужинал в ресторане с пафосным названием «Сенатъ». Забронировал гостиничный номер; навигатор привел к приземистому зданию в стиле ампир.

В номере были зеркала: квадратное, над журнальным столиком и прямоугольное в ванной. Климов прибавил к ним зеркало Вечеры. Овал, окаймленный листьями, встал у изножья кровати. Климов присел на корточки, поместился в зеркале целиком. Отражение было четким, гораздо четче и глубже, чем в современных собратях Вурдалака. Или разум Климова обманывался легендой, наделял реликвию особыми свойствами? Но и правда, словно картинка обработана мобильными приложениями. Откуда это мягкое мерцание по краям силуэта? Откуда рябь, внезапно нарушившая четкость «изображения»? И голос, голос, доносящийся из овальной полыни, завораживающий, лишаящий воли, заставляющий внимать. Голос рассказчика, соскучившегося по слушателю. Не глупому же Амиру доверять сокровенное? Будто кто-то сунул руку во мрак, достал историю и погрузил ее в мозг окаменевшего Климова.

«Ну и глазщици! По интонации было не разобрать, возмущение это или восхищение, поэтому...»

Тонкая струйка слюны побежала изо рта Климова.

Максим Кабир

Александр Матюхин

БОГАТЫЙ ГОСТЬ

Глава первая

— Ну и глазищи!

По интонации было не разобрать — возмущение это или восхищение, поэтому Надя на всякий случай не отреагировала, а повторила:

— Мне пропуск, пожалуйста. На имя Надежды Ромашкиной.

Развернутый паспорт прижала к пыльному стеклу, где с обратной стороны болгалась бумажка с надписью «Дежурное помещение». Бумажку в прямом смысле болтало сквозняком от кондиционера, потому что она была приклеена на тонкий лоскуток скотча.

В «дежурном помещении», похожем на каморку, где-то за шкафами, тумбочкой с чайником и микроволновкой, подальше от окошка с решеткой стояла невысокая сутулая женщина в форме и курила, пуская дым в приоткрытую форточку. Она-то и воскликнула «Глазищи!» хриплым голосом, едва заметила вошедшую Надю.

— Нет, ну надо же, какая красота. — Женщина утопила бычок в пепельнице, вернулась к дежурному столику, лакированному, но покрытому густой сетью царапин, будто по нему постоянно водили ногтями от досады или злости. Женщина прищурилась, разглядывая разворот Надиного паспорта, потом раскрыла домовую книгу. — Ты осторожнее у нас тут. Речной царь увидит и к себе утащит. Такую красотку хоть сейчас в подводное царство.

— Что, простите?

— Ну, сказка такая, не слышала? — хмыкнула женщина, переписывая в журнал данные Надиного паспорта. — Речной царь живет на дне Волги, иногда вылезает на берег и забирает красивых девушек к себе. У тебя глазищи такие, я бы на его месте не удержалась. Как будто дочь его, ей-богу. Я таких зеленых никогда не видала.

— А зачем крадет? — поинтересовалась Надя. Она с рождения жила в Ярославле, считай — тоже на Волге, и ни разу не слышала подобную сказку. — У него гарем там или что?

— Ага, гарем. Или еще что. Это же сказка, она нелогичная... Так, барышня, вижу, пропуск постоянный. Работать к нам?

— Да, личный помощник Ранникова Семена Алексеевича.

Женщина подняла взгляд, вопросительно изогнув тонкую левую бровь.

— Сам он справляться не может? Личные помощники нужны, что ли? Не успел приехать, уже начинает как все. В туалет без помощников не может? — спросила она и мгновенно рассмеялась, будто это была свежая и искрометная шутка — а главное, никогда никем не рассказанная.

Смех вышел заразительный, звонкий, с хрипотцой, и Надя не удержалась, рассмеялась тоже.

Все здесь было знакомо. Администрация города Бореєво выглядела точь-в-точь как администрация Ярославля и, наверное, как десятки типовых администраций по всей стране, построенных в семидесятых или еще раньше и исправно выполняющих свою функцию. Функция заключалась в том, чтобы спрятать под серым бетоном, под этими прямыми линиями и суровым советским модернизмом путаницу узких коридоров и мелких кабинетов, внутри которых трудились безликие и неизвестные большинству граждан чиновники разного звена. Администрации в разрезе — если бы их можно было разрезать и поместить под стекло, словно модные муравейники, которыми сейчас увлекалась молодежь, — никто бы никогда не отличил одну от другой, а многие бы сразу же запутались на этажах, пытаясь определить, где тут санузлы, где кабинеты, где залы заседаний и совещательные комнаты.

Надю даже не особо удивила дежурная за стеклом. В Ярославле была почти такая же, клонированная, тоже чуток сторбленная, с наклоненной влево головой, с одним глазом шире другого, с этим вот седоватым пушком над губой, частым кашлем от курения и с желтоватыми краями ногтей, которые не выбелить никаким маникюром.

Пока смеялись, кто-то вышел в коридор, скрипнув тяжелой дубовой дверью. Прошел мимо, исчез за двойными дверьми на улицу. Потом кто-то вошел, тоже скрипнул и вдобавок пикнул пропуском. Потом Надя перестала смеяться и убрала паспорт в сумочку.

— Ох, такие глазищи — и помощница. Тебе надо королевой быть, а не прислугой бегать. — Женщина просунула в полукруглую щель под

окошком пластиковый одноразовый пропуск. — Постоянный будет завтра, а сегодня с этим побегай, родная. Знаешь, куда идти?

— Да, спасибо.

Речь у женщины тоже была клонированная, как у сотен вахтеров, которых Надя когда-либо встречала.

Впрочем, в этом как раз не было ничего плохого. Если по приезде в Борсево Надя переживала — то есть еще утром, выйдя из автобуса на автовокзале и щурясь от яркого летнего солнца, крутила в голове идиотские и нервные мысли: «Зачем поперлась за ним?» и «Что это тебе даст?», а также «Ну идиотина форменная», — то сейчас волнения поутихли. Вроде как когда переезжаешь в новый город, но снимаешь квартиру, очень похожую на предыдущую, а еще люди на новой работе те же самые, кулер на прежнем месте, в туалете такой же запах, а кофе по вкусу мало отличается от прежнего. Так и здесь. В Союзе знали толк в сетевом маркетинге, однозначно. Чтобы эффект узнавания срабатывал хоть в столице, хоть в мелком гадюшнике на краю земли.

Она прошла через турникет, скрипнула дверью и оказалась на первом этаже администрации. Пустой коридор с ковром и безликими дверями кабинетов успокаивал Надю лучше валерьянки и пустырника. А еще: где-то стучали по клавиатуре, кто-то разговаривал по телефону, откуда-то доносился невнятный бубнеж на три голоса, открывались и закрывались окна, свистел сквозняк. И запах... узнаваемый запах выжженного десятками беспрерывно работающих кондиционеров воздуха. Такой бывает только в государственных учреждениях. Запах с легкими нотками пыли, бумаги и человеческого пота. Люди, вынужденные и зимой и летом ходить в строгих костюмах, потели нещадно, а потому гоняли кондей, а потому воздух высушивал и выжигал, а потому люди потели еще больше. Запах Наде не нравился, а вернее, она к нему привыкла и не всегда замечала, но вот сейчас заметила и подумала, что он тоже клонированный, как все вокруг.

Хорошо хоть Ранников Семен один на свете.

Его кабинет был почти в конце коридора, слева от окна, без номера или каких-то табличек, с несколькими отчетливыми отпечатками пальцев на коричневой двери. Надя коротко постучалась, по привычке, вошла.

Ранников подхватил ее на пороге, будто поджидал, сжал в объятиях, захлопнул дверь, протасил через кабинет — в два шага — и усадил в мягкое кожаное кресло напротив стола. Большим носом ткнулся ей в ухо, а губами бегло коснулся скулы, потом шеи, потом уже и губ, но быстро отстранился, покашливая, косясь на окно без штор, сквозь которое лился пыльный свет. Там еще была парковка, ходили люди, которые могли запросто увидеть, что происходит в кабинете.

Типичный Ранников Семен, подумала Надя. Сорок лет, ума нет. Взрослый, умный, серьезный. Два метра ростом, широкий в плечах — Надя в его объятиях всегда ощущала себя куклой, — коротко стриженный и с первого взгляда похожий на бандита из фильмов про девяностые. Но это с первого, а если задержать взгляд на его красивом вытянутом лице, поймать взгляд голубых глаз, то сразу становится понятно, что никакой Ранников не бандит, а просто богатырь от роду, в отца, а по характеру совсем другой: мягкий, податливый ребенок, застрявший во взрослом теле. Уж она-то хорошо знала. Серьезные решения он принимать точно не мог.

— Соскучился, Надьк, — сказал Ранников, нависнув над ней, запустив руки в карманы брюк. Белая рубашка вылезла наполовину из-за ремня.

— И я соскучилась, — сказала Надя и, поднявшись, привычными движениями, как ухаживают матери за детьми, вправила Ранникову рубашку обратно, пригладила складки. — Ну как ты тут, обжился?

Ранников умотал в Бореево две недели назад. Так условились, сначала он, потом Надя. Ей предстояло закончить дела в администрации Ярославля, закрыть по документам несколько задач, подать отчет о проделанной работе, все эти новомодные КРІ. А Ранникову нужно было быстро исчезнуть с глаз долой. Условились — и разъехались. Почти не переписывались, разве что по работе, а еще желали друг другу доброго утра и доброй ночи и пару раз устраивали созвоны по видеосвязи.

Надя соскучилась страшно, но сейчас вот посмотрела на Ранникова и поняла, что вместе с радостью возвращаются и все остальные эмоции, которые успели притупиться за две недели. Плохо это, конечно, но ничего не поделать.

— Обжился, — сказал Ранников, поглаживая Надю по плечу. — Трешку снял тут неподалеку. Трешки вообще в дефиците, представляешь? Город мелкий, квартир мало, а с частными домами связываться не хочу. Что я там буду делать? Забор красить, двор выметать? В общем, трешка норм, все поместились. Марта воеет целыми днями, что ей тут не нравится, а Ленка заперлась в одной из комнат и вылезает только на еду. Хер знает, что с ними делать.

Надя поморщилась. Вот оно, кольнуло под сердцем.

— Давай без подробностей, — попросила она.

— Извини, — буркнул Ранников. — Ну ты же понимаешь, Надьк, я не мог их оставить в Ярославле. Тупо как-то: поехал на новую работу, а жену и дочь оставил там.

— Мог бы развестись. Например, год назад или еще когда.

Она почувствовала сухость слов, сдержалась, чтобы не выпалить что-нибудь едкое, колкое. Знала ведь, что если чуть надавит, то Ранников тут же начнет извиняться, бухнется в колени, заведет эту свою шарманку, что все сложно, что развестись он в данный момент не может, с женой у него подвязки по бизнесу, а у дочки будет моральная травма. Как по шаблону, в общем, Надя знала, знала и поэтому-то и сдержалась. Закатывать сцены она забросила. Смысла в них никакого, сама дура, тащится за женатым мужиком второй год.

— Надьк... — Ранников погладил ее по голове, заглянул в глаза. — Ну не дуй губы, солнце. Ну что ты... Мы же обсуждали много раз... Я соскучился. Снилась, понимаешь. Без тебя никак.

— Все хорошо. — Она упала обратно в кресло. — Доехала без проблем, заселилась. Спасибо за квартиру. Не трешка, конечно, но милая. Можешь вечером заехать посмотреть.

В груди колотило, но голос, слава богу, не дрожал. Надя научилась неплохо контролировать вспышки то ли ревности, то ли обиды. Пара минут, и пройдет.

— Сегодня никак, — ответил Ранников. — Кипиш тут, я рассказывал. Ждем рано утром большого гостя из Москвы. Ты, между прочим, тоже участвуешь.

— В кипише?

— Ага. Через три дня фестиваль «Песня летит над Волгой», сто лет со дня чего-то там, я еще не вникал. На мне — организация со

стороны администрации, местная жаба назначила. Приезжает сам Николай Евгеньевич Моренко, заслуженный артист, музыкант и все такое. Надо его встретить, выгулять, повозить тут везде, чтобы не скучал, ну и сопровождать. Вот это будет твоя задача.

Ранников виновато развел руками.

— Надьк, давай завтра расквитаемся с этим Николаем, и вечером я у тебя, хорошо? Не обижайся, ну. Я две недели скачу как вошь на сковородке. С меня начальство третью шкуру спускает с фестивалем долбаным. Типа проверка. Я же, считай, ссыльный, все на меня смотрят как на беглеца из Ярославля.

— Так не надо было сбегать. — Сухость в голосе все еще сохранилась.

— А как бы иначе? Увольняться? В моей ситуации либо увольняться, либо на дно залечь. А тут как раз вышли с предложением.

— Некоторые увольняются и потом работают на приличных работах.

— Ну это, не перебарщивай, — буркнул Ранников.

Надя смягчилась.

— Ладно, что там за Николай Моренко? Когда приезжает, как выглядит, куда везти? Давай, займись. Кабинет у меня есть?

— Напротив моего. — Ранников оживился. — Каморка форменная, но уютная. Окно большое, солнечная сторона. Пойдем.

Перед выходом из кабинета он украдкой поцеловал Надю в шею, обнял, но уже в коридоре громогласно и по-деловому начал вещать:

— Значит, посмотри в Интернете, этот Моренко — выдающийся музыкант и композитор. Родом из Борея, между прочим, поэтому согласился приехать и выступить этим, как его, хедлайнером. У тебя на столе вся информация по приезду. Тут девочки уже оформили бронь в гостинице, служебный автомобиль предоставлен, загляни за документами и подготовь все как положено.

Он отворил дверь напротив, пропустил Надю и вошел сам. Тут же убавил громкость голоса до минимума, снова обнял.

— Короче, Надьк, не вздумай обижаться. Я скучал, сходил с ума и все такое. Ну. Это тебе, побежал, поцеловал.

Он и правда поцеловал и сбежал. Надя осталась одна в каморке, где овальный стол занимал почти девяносто процентов пространства.

На столе валялись папки-скоросшиватели, три штуки, и стояла ваза с огромным букетом красных роз.

— Ох, Ранников, — пробурчала Надя. Она любила белые розы.

Под цветами лежала коробочка «Рафаэлло». Надя распаковала, съела подряд несколько, стоя у окна и разглядывая набережную. Интересно, как эти конфетки прочно вошли в привычку, когда вроде бы уже и вкус приелся, и дефицита нет, и каждый может купить себе в любой «Пятерочке» хоть десять пачек за раз, а все равно мужики подсовывают коробочку вместе с букетом цветов, и сразу на душе праздник. Ну, может, и не праздник, но правильная со всех сторон ассоциация. Любят тебя, значит, и заботятся.

Администрация находилась впритык к Волге. То есть можно обойти здание, пересечь небольшую площадь, где в центре стоял памятник героям войн, изображающий советского и российского солдат с автоматами наперевес, дальше спуститься по лесенке — и вот уже река во всей красе. Из окна ее было видно от края до края — появлялась слева и исчезала справа, широкая, в шапках деревьев по берегам, с беглой рябью на воде. Тоже привычный вид. Надя и в Ярославле жила почти у реки.

Пока она стояла и смотрела, появился белый теплоходик. Он плыл ровно посередине, были видны праздные люди, танцующие на носу, гремела музыка, и что-то неразборчиво говорили в микрофон. Как-то Ранников устроил для нее тур по Волге на четыре дня. Его семья как раз смоталась к теще на юг. Плыли не на таком мелком, а на большом, в несколько этажей. Шведский стол, живая музыка, вежливые официанты... Пьяный Ранников каждую ночь трепетно читал наизусть стихи и обещал, что рано или поздно бросит расфуфыренную Марту вместе с ее деньгами и бизнесом, плюнет на все и останется с Надей навсегда. Конечно, не бросил. Едва тур закончился, он тут же вылетел на юг в командировку и растворился за десятком сообщений и видеооткрыток. Просил потом прощения, между прочим, и тоже дарил красные розы и «Рафаэлло»

И почему она такая дура?

Конфеты закончились будто сами собой, белый теплоходик исчез за деревьями, прогудев напоследок, и Надя очнулась от дурацких мыслей. Она здесь, поехала за Ранниковым снова, прикрываясь работой, но

на самом деле все еще держась за тонкую нить надежды. Значит что? Значит, стиснуть зубы и ждать.

Она разобрала папки, запихнула в файл несколько нужных листов и вышла из кабинета. По коридорам сновали. На вахте за дежурным окошком та самая женщина разгадывала сканворды, даже не подняв взгляд. Надя выпорхнула на улицу и зашагала к набережной.

Было жарко, но у реки дул прохладный ветер, и солнце как будто пряталось за деревьями, то и дело выпрыгивая короткими солнечными зайцами. По променаду вдоль Волги гуляли девушки с колясками и пожилые люди, то есть тот самый неработающий контингент, который мог себе позволить бездельничать до обеда. Под ногами поскрипывали доски.

Где-то жужжали пилы и стучал перфоратор. Надя прошла до деревянных перил, свесилась, разглядывая. Метрах в пятистах левее от прогулочной тропы, на большом пятаке возле Волги сновали рабочие. Они уже поставили металлическую арку с баннером «Песня летит...», дальше не разобрать. Выстлали пешеходные дорожки. Собирали палатки и большую сцену, часть которой покачивалась на воде на понтонах. Воздух донес запах сварки и жженных опилок. С Надиного места стройка напоминала что-то вроде ожившего конструктора «Лего». Были у них такие наборы, с инженерами, прорабами, экскаваторами и тракторами.

Надя живо представила, как из спокойных вод Волги выходит гигантский леговский человечек. Например, водяной с синим лицом и волосами из водорослей. Раздраженный из-за постоянного шума дрелей, пил и молотков, он разносит к чертям фестиваль, громит палатки и подтирается баннером.

Это было бы зрелище!

Но Волга текла неторопливо, рабочие работали, а зеваки поглядывали на стройку в предвкушении праздника. Не каждый день такое здесь происходит.

Постояв немного, погревшись в лучах летнего солнца, Надя отыскала лавочку в тени берез и стала читать про Николая Моренко.

Известный музыкант, виртуоз, прославившийся смелыми трактовками классики. Играл в основном на фортепиано и акустической гитаре. Судя по отзывам, был дерзок, современен, на волне.

Параллельно Надя воткнула наушники, подобрала несколько композиций «из лучшего» и стала слушать.

Музыка действительно была хороша. Моренко брал не только классические произведения из глубокой древности вроде разных там Моцартов, Шубертов и Чайковских, но и не гнушался Дэвидом Боуи, «Битлз» и даже «Королем и Шутом». Сочинял что-то свое. Аранжировки цепляли каким-то интересным звучанием и переходами, словно Моренко закидывал крючки прямиком в душу и дергал за них, вытаскивая из глубин нечто неожиданное и новое.

Надя не заметила, как заслушалась динамичной, рваной композицией. Гитарные струны оплели ее, ноты прыгали от зубов до ребер и ниже, ниже, к основанию живота, вызывая странную дрожь. От барабанов завибрировало под сердцем, а с появлением клавиш задрожали кончики пальцев и затрепетали веки.

Поразительный эффект.

После того как очередная мелодия утасла, Надя распахнула глазщи и тут же выковырнула один наушник, чтобы звуки окружающего мира вернули в реальность. Впрочем, следующая композиция уже не вызвала подобных ощущений, хотя тоже была сильной. Интересно, почему Надя раньше ничего не слышала про Моренко? Хотя она тут же припомнила какие-то заголовки журналов и газет двадцатилетней давности, и, возможно, заметки в новостях, и даже репортажи. Пик популярности Моренко пришелся на рождение Нади, так что немудрено, что она застала лишь отголоски. А в современном мире крутой композитор просто оказался еще одним из сотен и тысяч музыкантов, помещающихся в любом стриминговом сервисе по подписке. Затеряться нетрудно.

В левом ухе брэнчала гитара, Надя вернулась к чтению, ощущая затихающую дрожь кончиками пальцев.

Итак, Николай Моренко, шестьдесят второго года рождения. Родился в Ярославле, но вообще вся его семья жила в Бореєво, просто роддом в те времена был только за две сотни километров. Детство и юность провел здесь, фамильный дом не сохранился. Учился в школе номер двенадцать, в семь лет увлекся музыкой и начал ходить в музыкальную школу, где преподавали только трубу и гитару. В общем, повезло, что Моренко выбрал гитару. Он сразу показал свой талант, несколько

раз ездил на разные районные выступления и в шестнадцать лет даже завоевал первый диплом на фестивале «Мечта Ярославля». Сразу после школы уехал в Москву, где поступил в престижный музыкальный университет, и уже через год прогремел на всю страну, исполняя композиции советских эстрадных артистов. Словом, тогда и завертелось. Все восьмидесятые и начало девяностых Николай Моренко доминировал на эстраде, мотался по гастролям, выступал в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и так далее и тому подобное. С крахом Советского Союза, как это случилось со многими, надолго исчез с радаров и объявился вновь в конце девяностых уже в статусе живого классика. Много мелькал в разных передачах, давал концерты, но уже не был таким задорным и популярным, как раньше. Финал, занавес.

В этом сухом отчете на несколько страниц Наде чего-то не хватало. Как будто прочитала некролог, но без стандартной заметки в конце о месте и времени захоронения.

Она полезла в Интернет и вскоре поняла. В Моренко не было попсовости. Он не мелькал в желтой прессе, не светился со знаменитостями, не сорил деньгами, не высказывался на политические или остросоциальные темы. Все, что делал, — виртуозно играл на музыкальных инструментах. Причем за долгие годы карьеры не сочинил ничего своего и не привлекал современных композиторов. Только каверы. На «Яндекс.Музыке» его слушали не то чтобы много. Наверное, для современной молодежи Моренко был непонятен и неинтересен.

На фотографиях он всюду выглядел грустным. И в молодости, и сейчас, когда ему исполнилось шестьдесят с хвостиком. Даже когда улыбался, взгляд все равно был грустный, плечи опущены, да и вся поза такая — закрытая.

Тяжело с Моренко будет. Наверняка сразу же напьется и начнет вспоминать годы славы, горевать об упущенных возможностях, надменно покажет какие-нибудь медальки и грамоты и потом потащит Надю по улочкам, станет показывать дома, садики, школы, где он учился, жил, влюблялся и чего-то там еще делал.

У набережной особенно звонко что-то взвизгнуло, потом загромыхало, Надя отвлеклась и поспешила к деревянным перилам следом за другими зеваками.

Содержание

<i>Максим Кабир. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ</i>	3
<i>Александр Матюхин. БОГАТЫЙ ГОСТЬ</i>	9
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	33
Глава четвертая	43
Глава пятая	54
Глава шестая	69
Глава седьмая	80
Глава восьмая	107
<i>Максим Кабир. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ</i>	110
<i>Дмитрий Костюкевич. МЕДНЫЕ ГОЛОВЫ</i>	117
<i>Максим Кабир. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ</i>	193
<i>Владимир Чубуков. ВЕШТИЦА</i>	197
Часть первая	198
Часть вторая	233
Часть третья	243
Часть четвертая	248
<i>Максим Кабир. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ</i>	279
<i>Максим Кабир. ЯЩИКИ</i>	283
Часть первая. Почтовая тайна	284
Часть вторая. Пределы тумана и тленья	418
<i>Максим Кабир. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ</i>	472

Литературно-художественное издание

18+

**МАКСИМ КАБИР, АЛЕКСАНДР МАТЮХИН,
ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ, ВЛАДИМИР ЧУБУКОВ**

КРОВАВЫЕ ЛЕГЕНДЫ. РУСЬ

Повести

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

RU/BY **КРОВАВЫЕ ЛЕГЕНДЫ. РУСЬ. Повести.** Формат: 60×90/16. Тираж 3 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Изготовлено в России. Дата изготовления: 11.2024. Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА» Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»». Юридический адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академическая, д. 2. Фактический адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.

KZ **ҚАНДЫ АҢЫЗДАР. РУСЬ. Әңгімелер.** Форматы: 60×90/16. Таралымы 3 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ.
Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ.,
Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 11.2024. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Басылды «ТАТМЕДИА» АҚ. «Идел-Пресс» полиграфиялық-баспа кешені» филиалы.
Орналасқан жері: 420097, Ресей, Татарстан Республикасы, Қазан қ., Академическая к-сі, 2 үй.
Нақты мекенжайы: 420066, Ресей, Татарстан Республикасы, Қазан қ., Декабристы к-сі,
2 ғимарат.